

Экзистенциональное измерение философии испанского языка

© Оболенская Ю.Л., 2025

Юлия Леонардовна Оболенская, д-р филол. наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ, руководитель Центра иберо-романских исследований.

119991, Россия, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 1, стр. 51

E-mail: obolens7@yandex.ru

Аннотация. Работы плеяды испанских мыслителей XX века, таких как Мигель де Унамуно, Хосе Ортега-и-Гассет и Сальвадор де Мадариага, занимают достойное место в истории мировой философии. Философскую мысль в Испании всегда отличали созерцательность, полемическая острота суждений и особая риторичность. Испанские философы не предлагали некую доктрину как догму, не стремились к созданию школ, однако их концепции обладали целостностью подхода к оценке явлений, тем, что сейчас принято называть междисциплинарностью. Стиль их философского мышления носил черты психологического, социологического и герменевтического анализа в выявлении экзистенциальной сути событий. Этот стиль отличался филологической широтой осмысления взаимосвязи языка и национального сознания. Интерес к вопросам языка

и речи, которые рассматривались в эпоху Античности как род искусства, был в полной мере унаследован испанцами, обогатился новыми взглядами на язык в первых испанских грамматиках начиная с конца XV в. (с первой грамматики А. Небрихи 1492 г). Речь как искусство и отражение национальных особенностей жизни народа, его инстинкта (интуиции) — эти идеи в работах испанских гуманистов XVI в. Х.Л. Вивеса и Х. Вальдеса на столетия опередили европейскую лингвистическую мысль. Философия языка в Испании в XIX в. развивалась в русле немецкого идеализма, наиболее сильно повлиявшего на испанскую философию в целом. Новое и по-настоящему оригинальное звучание философская мысль о языке обрела в работах М. Унамуно и Х. Ортеги-и-Гассета, обогатившись этнопсихологической составляющей и экзистенциональным подходом в описании фактов языка и порождения речи. Взгляды этих философов на язык отразились и в их художественном творчестве. Цель данного исследования — показать, как экзистенциальное измерение философской мысли Мигеля де Унамуно, Хосе Ортеги-и-Гассета и Сальвадора де Мадариаги позволило выявить глубинные механизмы порождения высказывания, определить доминанты национального языкового сознания и взаимообусловленность речевого поведения и национального характера. Автор использует металингвистический, психолингвистический и этносоциологический методы при анализе и интерпретации работ указанных авторов.

Ключевые слова: испанская философия, философия языка, Мигель де Унамуно, экзистенциализм, национальное сознание, языковое мышление, Ортега-и-Гассет, Сальвадор де Мадариага, Мартин Хайдеггер

Для цитирования: Оболенская Ю.Л. (2025) Экзистенциональное измерение философии испанского языка. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 17–38. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-17-38

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Cuadernos Iberoamericanos. 2025. 3. P. 17–38
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-17-38

UDC 811.134.2

ENSAYO ANALÍTICO

Recibido 20.03.2025
Revisado 26.06.2025
Aceptado 28.08.2025

Dimensión existencialista de la filosofía de la lengua española

© Obolenskaya Yu.L., 2025

Yulia L. Obolenskaya, doctora en Filología, profesora emérita de la Universidad estatal de Moscú Lomonosov, directora del Departamento de Lingüística Iberorrománica de la Facultad de Filología de la Universidad estatal de Moscú, jefa del Centro de estudios Iberorrománicos.
119991, Rusia, Moscú, GSP-1, calle Leninskie Gory, 1, ed. 51
E-mail: obolens7@yandex.ru

Resumen. Las obras de una pléyade de pensadores españoles del siglo XX, tales como Miguel de Unamuno, José Ortega y Gasset y Salvador de Madariaga, desempeñan un papel importante en la historia de la filosofía mundial. El pensamiento filosófico español siempre se ha destacado por ser contemplativo, por tener una agudeza polémica de los juicios y una retórica especial. Los filósofos españoles no proponían ninguna doctrina como dogma, no aspiraban a crear escuelas, pero sus conceptos tenían un enfoque integral para evaluar los fenómenos, lo que ahora se conoce como la interdisciplinariedad. El estilo de su pensamiento filosófico tenía rasgos de análisis psicológico, sociológico y hermenéutico a la hora de revelar la esencia existencial de los acontecimientos. Este estilo se distinguía por la amplitud filológica de comprender la interrelación entre el lenguaje y la conciencia nacional. El interés por las cuestiones del lenguaje y el habla, que en la Antigüedad se consideraban un arte, fue plenamente heredado por los españoles y se enriqueció con nuevos enfoques hacia el lenguaje en las primeras gramáticas españolas, a partir de finales del siglo XV, o sea, desde que salió la primera gramática de Antonio de Nebrija en 1492. El habla como arte y un reflejo de las particularidades nacionales de la vida de un pueblo, de su instinto (intuición) son ideas que están presentes en las obras de Juan Luis Vives y Juan de Valdés, humanistas españoles del siglo XVI, y que adelantaron en siglos al pensamiento lingüístico europeo. La filosofía del lenguaje se desarrolló en España en el siglo XIX conforme al idealismo alemán, que más influyó en la filosofía española en general. El pensamiento filosófico sobre el lenguaje adquirió una nueva dimensión original en las obras de Miguel de Unamuno y José Ortega y Gasset: se enriqueció con un elemento etnopsicológico y un enfoque existencialista en la descripción de los hechos del lenguaje y la generación del habla. La óptica de estos filósofos en cuanto al lenguaje se manifestó también en su obra artística. El presente estudio busca mostrar cómo la dimensión existencialista del pensamiento filosófico de Miguel de Unamuno, José Ortega y Gasset y Salvador de Madariaga permitió revelar los mecanismos profundos de la generación de un enunciado, determinar los elementos dominantes

de la conciencia lingüística nacional y la interdependencia entre el comportamiento verbal y el carácter nacional. La autora emplea métodos metalingüísticos, psicolingüísticos y etnosociológicos para analizar e interpretar las obras de los autores mencionados.

Palabras clave: filosofía española, filosofía de la lengua, Miguel de Unamuno, existencialismo, conciencia nacional, pensamiento lingüístico, Ortega y Gasset, Salvador de Madariaga, Martin Heidegger

Para citar: Obolenskaya Yu.L. (2025) Dimensión existencialista de la filosofía de la lengua española, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 17–38. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-17-38

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

ANALYTICAL ESSAY

Iberoamerican Papers. 2025. 3. P. 17–38
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-17-38

UDC 811.134.2

Received 20.03.2025
Revised 26.06.2025
Accepted 28.08.2025

The Existentialist Dimension of the Philosophy of the Spanish Language

© Obolenskaya Yu.L., 2025

Yulia L. Obolenskaya, Doctor of Philology, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, head of the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University, Head of the Center for Ibero-Romance Studies.
119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory street, 1, building 51
E-mail: obolens7@yandex.ru

Abstract. Works by a plethora of 20th-century Spanish thinkers, such as Miguel de Unamuno, José Ortega y Gasset, and Salvador de Madariaga, have played an important role in the history of world philosophy. Philosophical thought in Spain has always been contemplative, characterized by polemical sharpness of judgment and a special rhetorical style. Spanish philosophers did not propose any doctrine as dogma, nor did they seek to create schools; still, their concepts had a holistic approach to the evaluation of phenomena, which is now commonly referred to as interdisciplinarity. Their style of philosophical thinking bore the hallmarks of psychological, sociological, and hermeneutic analysis when it comes to revealing the existential essence of events. This style was marked by a philological depth of understanding of the relationship between language and national consciousness. The Spanish fully inherited the interest in language and speech, which were considered a form of art in antiquity, and lent new perspectives on language in the first editions of Spanish grammar published in late 15th century (the first Spanish grammar was published by Antonio de Nebrija in 1492). Speech as an art and a reflection of the national peculiarities of a people's life, its instinct (intuition) are ideas in the works of the 16th-century Spanish humanists Juan Luis Vives and Juan de Valdés that were centuries ahead of the European linguistic thought. Language philosophy in Spain in the 19th century developed in line with German idealism, which had the strongest influence on Spanish philosophy in general.

The philosophical thought concerning language acquired a new and truly original dimension in the works of Miguel de Unamuno and José Ortega y Gasset, as it gained an ethnopsychological element and took on an existentialist approach to the description of the facts of language and speech production. The views of these philosophers on language manifested themselves in their art as well. The aim of this study is to show how the existentialist dimension of the philosophical thought of Miguel de Unamuno, José Ortega y Gasset, and Salvador de Madariaga helped to reveal the profound mechanisms of speech production, determined the dominant features of national linguistic consciousness, and demonstrated the interdependence of speech behavior and national character. The author uses metalinguistic, psycholinguistic, and ethnosociological methods in the analysis and interpretation of works by these authors.

Key words: Spanish philosophy, philosophy of language, Miguel de Unamuno, existentialism, national consciousness, linguistic thinking, Ortega y Gasset, Salvador de Madariaga, Martin Heidegger

For citation: Obolenskaya Yu.L. (2025) The Existentialist Dimension of the Philosophy of the Spanish Language, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 17–38. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-17-38

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В XXI в. ни у кого не возникает сомнений в том, существует ли испанская философия, а работы плеяды таких философов XX в., как Мигель де Унамуно (Miguel de Unamuno, 1864–1936), Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega y Gasset, 1883–1955) и Сальвадор де Мадариага (Salvador de Madariaga, 1886–1978), занимают достойное место в истории мировой философской мысли. Кроме того, выдающийся испанский писатель Мигель де Унамуно считается одним из предшественников философии экзистенциализма, оказавшись в этом списке рядом с Ф.М. Достоевским (1821–1881) и Л.Н. Толстым (1828–1910). Размышления о жизни и смерти, добре и зле, вере и безверии, этике и морали, самоосвобождении личности и личном выборе были представлены Унамуно в двух формах — художественных и эстетически равноценных им философских произведениях, что позволило ему полнее постигать глубины национального сознания и диалектику души.

Интерес к вопросам языка и речи, которые рассматривались в эпоху Античности как род искусства, был в полной мере унаследован испанцами, обогащался новыми взглядами на язык в первых испанских грамматиках уже с конца XV в. (начиная с первой грамматики А. Небрихи¹ 1492 г.). Речь как искусство и отражение национальных особенностей жизни народа, его инстинкта (интуиции), роль писателей как творцов языка — эти идеи в работах гуманистов Х.Л. Вивеса (Juan Luis Vives, 1492–1540) и Х. Вальдеса (Juan de Valdés, ок. 1500–1541) на столетия опередили европейскую лингвистическую мысль.

Философские идеи в Испании всегда отличали отсутствие доктринерства, созерцательность, полемическая острота суждений и особая риторичность. Ведь именно на юге Испании, близ Кордовы, возникла школа риторики философа-стоика Луция Аннея Сенеки-Старшего (ок. 54 г. до н.э. – 39 г. н.э.), а также родился и провел отрочество создатель риторики Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–96). Испанские философы Нового времени не предлагали некую доктрину как догму или систему взглядов, не стремились к созданию школ, однако их концепции обладали целостностью подхода к оценке явлений, тем, что сейчас принято называть междисциплинарностью. Стиль их философского мышления имел черты психологического, социологического и герменевтического подхода, а самое главное — их мысль отличала способность к выявлению экзистенциальной сути событий, а также филологическая широта осмысления взаимосвязей языка и национального сознания.

* * *

Философия языка в Испании XIX в. развивалась в русле немецкого идеализма, наиболее сильно повлиявшего на испанскую философию в целом, хотя мысли В. фон Гумбольдта (Wilhelm von Humboldt, 1767–1835) о языке как отражении *духа народа* были близки испанцам уже с эпохи Возрождения. Однако новое и по-настоящему оригинальное звучание философская мысль о языке обрела в работах М. Унамуно, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Мадариаги, обогатившись этнопсихологической составляющей и экзистенциальным подходом в описании фактов языка и порождения речи. Взгляды этих трех философов на язык отразились не только в философских и публицистических работах, но и в художественном творчестве: их неповторимый авторский стиль носит новаторский характер. Неслучайно М. Унамуно стал одним из реформаторов языка художественной литературы и главных идеологов поколения 98 года.

Как уже отмечалось, философская мысль трех испанских гениев носила преимущественно созерцательный характер, однако эта созерцательность включала их особую точку зрения на испанский язык и особенности национального языкового сознания: Унамуно оценивал их как баск, *выучивший* испанский (на что довольно часто указывал в своих работах Ортега-и-Гассет²), а профессиональный дипломат Мадариага невольно

¹ Первая грамматика кастильского языка (La Gramática castellana), созданная Антонио де Небрихой (Antonio de Nebrija, 1444–1522), увидела свет в 1492 году — знаковым для испанской истории. Этот труд стал фундаментальным вкладом в развитие испанского языкознания и первым систематическим описанием романского языка. — *Примеч. ред.*

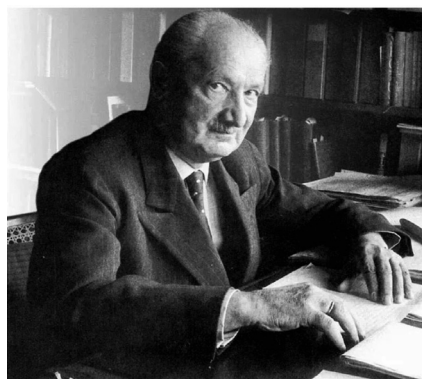
² См., например, Ортега-и-Гассет Х. На смерть Унамуно. ВикиЧтение. URL: <https://fil.wikireading.ru/54759> (accessed: 05.05.2025) — *Здесь и далее примеч. авт.*

сравнивал родной язык с французским и английским, которые многие годы были для него основным средством коммуникации. Ортега, как подлинный *castizo* — страстный защитник богатейшего наследия испанской культуры, блистательно владевший ресурсами родного испанского языка, был наиболее строг в его оценках. Работы этих творческих личностей оцениваются как вершины испанской философской и филологической мысли, а их взгляды опередили свое время, хотя довольно поздно стали известны и получили признание во всем мире.

Испанский язык, остающийся основным средством общения для более полумиллиарда человек на разных континентах, без сомнения, доказал как способность адаптации к бытию в разных цивилизационных моделях, так и способность воздействовать на их развитие [Оболенская, 2014b]. Удивительным образом испанский язык, оказав мощное влияние на мифологическое и религиозное сознание говорящих на нем народов, не привел к унификации языкового сознания наций, став скорее инструментом самопознания завоеванных народов Латинской Америки и Африки. Отражение в зеркале испанского языка дало им редкую возможность *остраненного* взгляда на собственное бытие. Перуанцы, эквадоринцы, кубинцы и мексиканцы, даже те, кто не знает никакого другого языка, кроме испанского, не стали похожи на испанцев, не лишились самобытных культурных традиций, а их быт, их литература и искусство остаются ярким воплощением их собственных национальных традиций и картин мира.

Насколько же справедливо ставшее крылатым известное выражение философа М. Хайдеггера (Martin Heidegger, 1889–1976) «Язык — это дом бытия» («Die Sprache ist das Haus des Seins»), учитывая то, что, по Хайдеггеру, не человек как сущность владеет этим домом, а дом, по сути, владеет им? Мы ведь даже и осознать его не сможем: «Поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти, чтобы можно было обозреть его еще и как-нибудь со стороны» [Хайдеггер, 1993: 272].

Хайдеггер в докладе и в опубликованном впоследствии эссе «Путь к языку» подчеркивает, что и мы сами существуем в языке и при языке, на пути к его постижению, приближению к истине. Для М. Хайдеггера язык — это монолог, через него говорит бытие, и о нем нельзя ничего сказать самому человеку; язык «сам себя говорит», он — «хранитель присутствия яви»: «Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он способ события, его мелодия». [Хайдеггер, 1993: 272] Однако чуть выше философ подчеркивает и то, что любой

Мартин Хайдеггер

язык историчен: «Язык как информация тоже не язык в себе; он историчен сообразно смыслу и ограниченности нынешней эпохи...» [Хайдеггер, 1993: 271]³. Кстати, в поздних работах Хайдеггер высказал идею о том, что язык является, по сути, точкой встречи человека и бытия, а смысл этой встречи — путь к истине.

Итак, язык как некая сущностно определяющая бытие человека структура формирует мышление⁴, владеет им, определяя как его принадлежность к определенной культуре, так и характер его бытия в социуме и мире. Но если бытие неизбежно зависит от дома — языка, тогда можно ли, *переместив* дом или построив из тех же материалов дом на новом месте, изменить бытие? Подтверждают ли это пограничные цивилизации — иберийская и латиноамериканская? Насколько *кастильский дом* в Латинской Америке, да и на самом Пиренейском полуострове изменил в сущностном смысле бытие многочисленных национальных социумов, уже имевших свой собственный «дом» — свои языки и культуры? Смогла ли единая языковая конструкция, надстроенная над *первым* домом этих социумов, унифицировать их бытие? Мы видим, что нет, потому что язык, опыт и культурные традиции предков — это неотъемлемая часть сознания социума, воплощающая его представления о мире, затем опосредованные и закрепленные в языковой форме испанской речи [Оболенская, 2014а: 21].

Однако именно экзистенциалист М. Хайдеггер, на наш взгляд, дает ключи к пониманию сложного пути испанского языка к его *осуществлению* в речевых особенностях многочисленных наций испаноговорящего мира. Подчеркнем особую важность идей Хайдеггера о сообразности языка смыслу и ограниченности эпохой и главное — мысль о возможности языка закрепить «способ события, его мелодию».

* * *

Факт открытия Америки в национальных вариантах испанского совершенно по-разному закреплен именно как *способ со-бытия*. Столь же важным сущностным отличием является и язык как *мелодия дома* — по сути, именно эта мелодия является речевым камертоном на всех уровнях языка, от фонетики и интонационного строя до стилистики, она определяет своеобразие художественного творчества и речевого общения.

Мелодией различаются не только национальные варианты испанского, но и диалекты испанского на Иберийском полуострове. Бытие оказывается встроенным в язык, определяющий существование человека сообразно

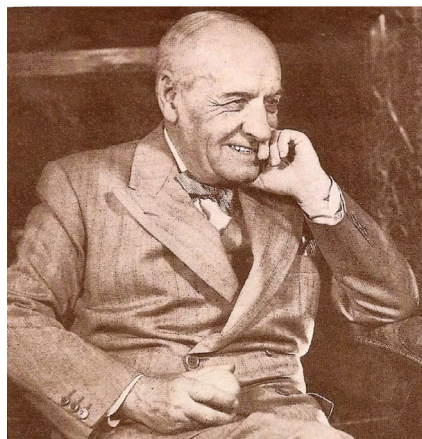
³ Ср. со схожей концепцией У. Эко [Эко, 1998].

⁴ Значительный вклад в изучение проблематики взаимосвязи языка и мышления внес Л.С. Выготский, который в 20-е годы XX века опубликовал ряд работ на эту тему, а в 1934 г. выпустил фундаментальный труд «Мышление и речь», в которой пишет о «становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове» [Выготский, 1934: 269]. Его мысли нашли дальнейшее отражение в работах отечественных лингвистов и психологов.

смыслу конкретной эпохи и помогающий ему найти истину в *со-бытии*, закрепить в культурном опыте и традиции. Сама мысль Хайдеггера о *пути к языку*, где путь мыслится как его *прокладывание*, а не прогулка по проторенной дороге, чрезвычайно плодотворна и близка духу испанского языка. Ведь не случайно так популярны по обе стороны Атлантики строки А. Мачадо (Antonio Machado, 1875–1939): «Caminante, no hay camino, se hace camino al andar»⁵.

В этой связи очень интересен один комментарий Ортеги-и-Гассета из его эссе «Нищета и блеск перевода» («Miseria y esplendor de la traducción») о том, что в баскском языке изначально не было понятия Бог и пришлось изобрести номинацию «всевышний господин». Ортега, в частности, связывает с этим фактом и позднюю христианизацию басков [Ortega y Gasset, 1964: 442–443].

Христианизация коренных народов Латинской Америки в XVI в. изначально была главной составляющей испанской идейно-политической экспансии, важнейшим орудием которой, безусловно, стал испанский язык, однако особенности процесса распространения католицизма в Новом Свете отразились в особом отношении к этой религии среди автохтонного населения, которое мы наблюдаем и по сей день. Для большинства индейцев политеизм, многобожие в принципе позволяло допустить возможность существования официального главного Бога, Бога победителей, и, несмотря на жестокое искоренение местных культов, новая вера в сознании большинства населения не противоречила наличию и почитанию многочисленных божеств, регламентирующих их жизнь. Христианские понятия и испанские слова, их называющие, наделялись новыми смыслами, дополнялись коннотациями и символикой, понятными только на южноамериканском континенте⁶. Традиции и верования индейцев

Хосе Ортега-и-Гассет

⁵ Красивый русский перевод этой строки, ставший крылатым выражением («дорогу осилит идущий»), лишает строку главного ее смысла: ведь он не в том, чтобы пройти по уже проложенной дороге. Этой дороги нет, ее надо проложить, чтобы двигаться вперед.

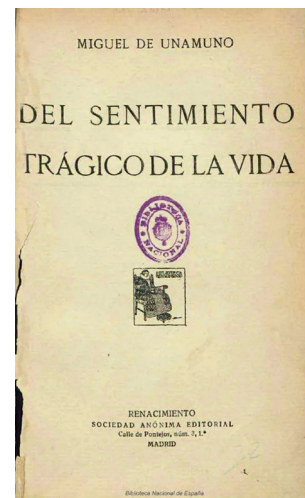
⁶ В этом отношении интересной темой для исследования могли бы стать эти новые смыслы и фразеологические единицы с *религиозной* тематикой. Так, в Центральной Америке и некоторых других странах региона, *cristiano* означает «простодушный», «бесхитростный», «простак», а *buen cristiano* в Мексике — «глупец, дурень». В Доминиканской Республике в качестве восклицания *Cristo* чаще услышишь *Cristina*, а уж сакральное понятие, заключенное в глаголе *bautizar*, в Аргентине и Гватемале связано с употреблением алкоголя, а на Кубе — с разбавлением водой не только рома, но и молока. Подробнее см.: Фирсова Н.М. (ред.) Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка. Москва. ИНФРА-М. 2020. С. 112, 325.

смешивались с католическими догмами и ритуалами, и так появлялись новые культы и их почитание. Например, двухдневный праздник в честь ацтекского бога загробного мира Миктлантекутли, который празднуется 1 и 2 ноября, по сути — отражение индейского культа смерти, в католической интерпретации он смешался с испанским Днем всех Святых, правда, со значимой заменой ключевого слова в названии: *Día de los Muertos* вместо *Día de los Difuntos*.

Итак, построенный на автохтонном фундаменте бытовавших языков и собственного накопленного культурного и исторического опыта испанский *дом бытия* басков, как и потом индейцев в процессе их *пути* к испанскому языку был сущностно перестроен, «типовая застройка» домами испанского языка, оказалась невозможна и в Африке, и на Филиппинах. Национальные варианты испанского языка, на наш взгляд, можно сравнить с разными сосудами, которые заполнены вином из винограда одного сорта; однако вкус разного вина при сходстве его производства всегда отличается и зависит от условий взращивания винограда; и уж, конечно, по отражающей традиции «своей» культуры форме сосуда, который заключил в себе продукт чужой земли — язык, сложно судить о его содержании и самом вкусе вина.

* * *

Испанский философ, поэт и писатель Мигель де Унамуно, баск, писавший по-испански, в работе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (1912 г.), которая, по сути, является первым европейским экзистенциальным исследованием, отметил: «Сам язык наш, как и всякий другой культурный язык, имплицитно несет в себе некую философию. Действительно, язык — это потенциальная философия. <...> Каждый из нас мыслит, исходя — сознательно или бессознательно, вольно или невольно — из того, что мыслили другие люди, те, что жили до него, и те, что его окружают. <...> Мышление покоится на предрассудках, а предрассудки содержатся в языке» [Унамуно, 1997: 284–285]. М. Унамуно повторяет в работе, вслед за О. Холмсом (Oliver Wendell Holmes Sr., 1809–1894), вывод о том, что «раса, кровь духа — это язык» [Унамуно, 1997: 285; Оболенская, 2014а: 21]. А затем осваивает его в художественной форме в знаменитом сонете, посвященном испанскому языку, — «Кровь души» («*La sangre del espíritu*»). Сонет отражает связь языка с культурной памятью и историческим опытом нации, воссоздает

Мигель де Унамуно.
О трагическом чувстве
жизни у людей и народов

историю испанского языка и его значение как ценностной категории. Испанский язык назван Унамуну «кровью души», поскольку именно язык запечатлел представления, лежащие в основе миропонимания его соотечественников. Но не только соотечественников: Мигель де Унамуну подчеркивает именно «духовное братство» испаноязычных народов, скрепленное языком, как кровью, поскольку язык и является «кровью социального организма»⁷. В сонете упомянуты национальные герои Латинской Америки: мексиканец Бенито Хуарес (Benito Juárez, 1806–1872) и филиппинец Хосе Протасио Рисаль и Алонсо (José Rizal, 1861–1896). Оба они вошли в историю как выдающиеся деятели национального освободительного движения, однако Унамуну оценивает их вклад в развитие испанского языка, метафорически определяя их блистательное ораторское мастерство как «цветы, расцветшие на ковчеге испанского языка».

*La sangre de mi espíritu es mi lengua,
y mi patria es allí donde resuena
soberano su verbo, que no amengua
su voz por mucho que ambos mundos llene.*

*Ya Séneca la preluvió aún no nacida
y en su austero latín ella se encierra;
Alfonso a Europa dio con ella vida.
Colón con ella redobló la Tierra.*

*Y esta mi lengua flota como el arca
de cien pueblos contrarios y distantes,
que las flores en ella hallaron brote,*

*de Juárez y Rizal, pues ella abarca
legión de razas, lengua en que a Cervantes
Dios le dio el Evangelio del Quijote.*

*Ты — кровь души, испанский мой язык!
Отчизна всюду мне, где речь родная
звучит и льется — ведь ее родник
полмира затопил, не иссякая.*

*Уже латынь Сенеки твой расцвет
Пророчила вернее гороскопа.
С тобой Европой сделалась Европа.
С тобой Колумб удвоил белый свет.*

*Язык мой — как ковчег. И в нем плывет
Рисалья и Хуареса народ:
десятки рас и племена без счета...*

*Он никому не тесен и не мал.
Не зря на нем Сервантес написал
евангелие нам — от Дон-Кихота⁸.*

Особый интерес представляют рассуждения Х. Ортеги-и-Гассета о специфике мировосприятия, которое он называет «жизненным стилем» и «радикальной ориентацией духа» разных народов в различные эпохи. В статье «Путевые темы» («Temas de viaje») (1922 г.) он замечает: «Народы отличаются не внешними условиями жизни и не тем, что находятся на разных

⁷ Это суждение философа-испанца перекликается с высказанной примерно в то же время (в 1928 году) мыслью крупного историка русской церкви и философа Г.П. Федотова (1886–1951) о том, что такое национальный язык: «Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей. Язык — это тончайшая плоть мысли, не отделимая от ее природы. И не мысли только, а целостного духа. Поэтому язык есть имя нации, как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, т. е. царство идеальных ценностей» [Маслин, 1990: 448].

⁸ Перевод С. Гончаренко. См.: Гончаренко С.Ф. (сост.) Испанская поэзия в русских переводах: 1792–1976. Москва. Прогресс. 1978. С. 502–503.

ступенях эволюции человечества (которую мы произвольно считаем единой), а разницей в радикальной ориентации духа», при этом «в истории и в политике существование своего стиля жизни (*estilo vital*) у каждого народа есть отправной пункт для всякого дальнейшего осмысления»⁹ [Ortega y Gasset, 1963: 380, 383].

Это осмысление возможно, конечно, только в языковой форме. Как известно, каждая лингвокультурная общность обладает своей собственной картиной мира, формирующейся под воздействием как языковых, так и неязыковых средств. Эта картина подтверждает существование глубинных архетипов, которые обуславливают вербальное и невербальное поведение представителей конкретной языковой и культурной общности. Различия между культурами обуславливают выбор средств коммуникации в межличностном общении, зависящий, в свою очередь, от культурного контекста этой коммуникации и характера самой культуры.

* * *

Национальное языковое сознание подразумевает специфику национального способа формирования и выражения мысли, ведь познавательная деятельность носителей определенного языка специфична и изначально опосредована этим языком. Не менее важно и то, что языковое сознание во многом обуславливается и отношением лингвокультурного социума к своему языку. Теократический идеал жизненного пути позднего Средневековья вместе с представлениями о великой миссии испанского народа подкрепила эпоха Великих географических открытий и эпоха величия «империи, в которой никогда не заходило солнце», и все это, без сомнения, повлияло на базовые характеристики национального сознания и языкового сознания. Латинский девиз на ленте, обвивающей Геркулесовы столпы на гербе Испании, — «*Plus ultra*» — «Дальше предела» характеризует не только амбиции испанских монархов; он сохраняется и в подсознании рядовых граждан как свидетельство былой славы, безграничных возможностей и роли страны в мировой истории, ее исключительности, что отражается и в языке [Оболенская, 2019: 67].

Языковое сознание, кроме того, всегда подразумевает как бессознательно проявляющийся языковой опыт носителя языка, так и его эмоционально-оценочное и научное осмысление. Восприятие родного испанского языка как эквивалента «христианского» языка — очень важная черта языкового сознания испанцев, уходящая вглубь веков, в усвоенные на генетическом уровне представления испанцев о своей великой миссии — сохранении и распространении христианской веры. А это гораздо выше имперских

⁹ Перевод автора.

амбиций нации или пафоса защиты и прославления родного языка в странах Европы в эпоху Возрождения — это заявка испанского языка на путь к сакральной истине¹⁰.

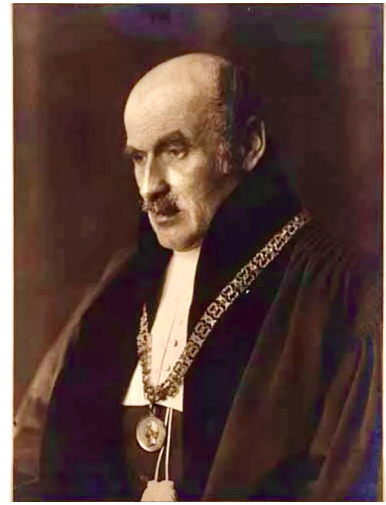
* * *

Споры европейских лингвистов и философов в начале XX в. привели к появлению новых лингвистических школ и поставили испанских ученых перед выбором: позитивизм и логический анализ языковой системы или идеалистические и эстетические концепции языка как отражения духа нации, ее истории и культуры.

Эстетический подход позволил испанским филологам попытаться осуществить целостный анализ текста с привлечением методологии психолингвистики и герменевтики. На выбор стратегии развития филологической науки в Испании повлияла популярность идей Б. Кроче (Benedetto Croce, 1866–1952), и особенности складывающейся национальной традиции проявились в первых работах Р. Менендеса Пидаль (Ramón Menéndez Pidal, 1869–1968) [Menéndez Pidal, 1982], Дамасо Алонсо (Dámaso Alonso, 1898–1990), Т. Наварро (Tomás Navarro Tomás, 1884–1979). А затем Амадо Алонсо (Amado Alonso, 1896–1952) и Америко Кастро (Américo Castro, 1885–1972) перенесли именно эту традицию, заложенную испанской школой эстетической (идеалистической) стилистики, и в Латинскую Америку. Испанская школа боролась не только с европейским позитивизмом и структурализмом Ф. де Соссюра (Ferdinand de Saussure, 1857–1913) и Ш. Балли (Charles Bally, 1865–1947) — испанские филологи предложили поистине новаторский подход к изучению речевых произведений, философски осмысленный сначала М. де Унамуну, а затем Х. Ортегой-и-Гассетом. Опираясь на идеи фон Гумбольдта и Карла Фосслера (Karl Vossler, 1872–1949), испанцы ближе всех подошли к идеям металингвистики, предложенным М.М. Бахтиным (также разделявшего идеи К. Фосслера), который, в противовес лингвистике абстрактного языка Ф. де Соссюра, сформулировал диалогически-коммуникативную концепцию языка [Бахтин, 1986]. Предметом металингвистики, исследующей язык не как систему, а как «язык в его конкретной и живой целокупности», стало у Бахтина *двуголосое* слово с установкой на *чужое слово* и адресата. Диалог, по Бахтину, заключается не в обмене словами, а в обмене мыслями, живая *целокупность* языка в речи — эти же идеи мы находим в работах Унамуну и Ортеги-и-Гассета.

¹⁰ В ситуации, когда испанец слышит непонятную речь, он скажет: «Habla cristiano!». Эта фраза — важный факт и объект исследования эпилингвистики. Как мы отмечали в других работах, эпилингвистика «обращает внимание на мнения о языке, на статус и сферу использования конкретного языка среди реальных пользователей в ситуациях реальной повседневной коммуникации. Кроме того, исключительно важно и то, что эпилингвистика исследует репрезентацию языка в сознании его носителей, изучает отражение осознанных или бессознательных представлений о ценности языка, выявляющихся на практике — в условиях коммуникации и в отzyвах о его значении» [Оболенская, 2024: 30].

Особый интерес для понимания философии испанского языка представляют и выводы Карла Фосслера — выдающегося немецкого филолога-романиста, литературоведа и философа, а по сути — основоположника школы эстетического идеализма в лингвистике. Рассуждая о специфичности испанского языка, Фосслер пришел к важному заключению о том, что в испанской поэзии, как и в языке в целом, «дистанция и граница между говорением и слушанием, между созданием [речи] и ее восприятием гораздо меньше, чем в языках других народов» [Vossler, 1946: 53]. Это заключение исследователя и знатока романских языков «снаружи» испаноговорящего социума, его аргументация и взгляд «со стороны» в замечательном эссе «Литературная и лингвистическая физиономия испанского языка» («La Fisonomía literaria y lingüística del Español») подкрепляются психолингвистическим и философским анализом фактов испанского языка и их сравнением с другими романскими языками.

Карл Фосслер

О спонтанности испанской речи как ее главной характеристике, отражающей спонтанность испанца как *человека страсти*, пишет в своей работе «Англичане, французы, испанцы»¹¹ и С. Мадариага. Кроме того, говоря об индивидуализме как основополагающей черте испанского характера¹², он трактует спонтанность речи и ее импровизационный характер как свидетельство особого психотипа испанцев: «Его мысль рождается в тот момент, когда она себя проявляет» [Мадариага, 2003: 72]. Причем, как отмечает Мадариага, мысль испанца «особенно сильна и энергична именно тогда, когда появляется из глубин подсознания» [Мадариага, 2003: 73]. Эти выводы подтверждают его очень верные наблюдения за речью испанца: «В его разговоре замечания самого абстрактного рода часто начинаются с весьма энергичного восклицания «yo» (Я), которое впоследствии соединяется с абстрактными аргументами более или менее извилистой грамматической линией. Этот процесс, совершенно очевидно, является одним из наиболее энергичных воплощений абстрактной мысли у раздумывающего человека». [Мадариага, 2003: 73].

¹¹ Книга «Англичане, французы, испанцы» была написана на основе лекций, прочитанных автором в Женевской школе международных исследований. Перевод с английского был опубликован в России в 2003 г. в издательстве «Наука» в Санкт-Петербурге.

¹² Подробнее об индивидуализме испанцев как наследии кельтиберов см. в нашей работе «Мир испанского языка и культуры» [Оболенская, 2018].

Интуиция (инстинкт) испанца, высказывающего еще не до конца оформившуюся мысль, ориентация на адресата высказывания и стремление обеспечить его спонтанную и эмоциональную реакцию обуславливают широкое использование испанцами риторических приемов речи. В Испании превыше всего ценится красивый жест и красноречие, в этом испанцы — истинные наследники античной риторики и одновременно творцы барочной чрезмерности. Х. Ортега-и-Гассет, рассуждая об эстетических приоритетах своих соотечественников, отразившихся в художественных текстах, отмечает, что испанские сравнения «простодушны и ориентированы на гармонию в ее классическом понимании» потому, что «изначально наша литература (и даже вообще язык) была риторична; то было ораторское искусство» [Ортега-и-Гассет, 1994: 264].

Сальвадор де Мадариага

В своей статье 1914 г. «Колоссальный стиль!» Унамуно, подтверждая тезис Ортеги-и-Гассета о том, что испанцы — «ораторы на письме», особо подчеркивает спонтанность испанской речи. Данная им оценка более всего отвечает понятию «безудерж» Достоевского: «По-настоящему испанское, то есть импровизация, спонтанный набросок вслепую, записанный — если речь идёт о литературе — спустя рукава и как написалось, — это то, в чем мы не собираемся ни сдерживаться, ни переходить через край, ни контролировать, ни соразмерять, ни ограничивать, и пусть получится как получится — по воле Божьей. А известно, что то, что получается по воле Божьей, — по-испански соответствует тому, что выйдет плохо» [Unamuno, 1998: 74].

Мигель де Унамуно в кабинете

Важнейший философский вывод К. Фосслера состоит в том, что испанский язык, в сравнении с другими языками, отличается богатство средств выражения возможного, гипотетического, обусловленного и т.п. действия, что, в свою очередь, свидетельствует о соответствии возможностей грамматической системы испанского языка «утопическому» характеру картины мира, представленной в испанской поэзии и литературе в целом. Утопичность мировосприятия испанцев, специфика их мифологической картины мира заложены в кихотической философии испанцев (по Унамуно). Эта философия отражена в том самом девизе на гербе Испании — «Plus ultra», она

закljučается в трагическом разрыве между представлениями о своей избранности и безграничности возможностей и суровой реальностью, историческим опытом. А фигура Дон Кихота — это, без сомнения, самый яркий и верный символ Испании.

Свидетельством импульсивного, эмоционального, а не рационального характера мироощущения испанца и того, что Унамуну называл «кардиологией» (логикой сердца), является отражение в языке оценочного отношения испанцев к неодушевленным предметам. Например, страх перед водой как стихией приводит к ее олицетворению: *temer al agua* — в противовес обычному к ней отношению: *buscar agua*.

Замечательный пример реализации этой кардиологии приводит С. Мадариага в своей книге «Англичане, французы, испанцы», рассуждая об испанской версии гипотетического будущего, то есть сослагательного наклонения, используемого для обозначения ожидаемого действия. Там, где англичанин использует настоящее время, делая будущее настоящим (*when he comes*), а француз, исходя из логики, ставит будущее (*quand il viendra*), испанец скажет *cuan­do venga*, переводя действие даже не в теоретическое будущее, а «во всеохватное и витальное будущее со всей свойственной ему неопределенностью...» [Мадариага, 2003: 172]. Когда совершится это действие и совершится ли оно вообще, испанцу не так важно, как показать его *потенциальную* возможность и некоторую долю *неуверенности* в этом. В кардиологии испанцам не откажешь!

* * *

Рассматривая три основные функции языка: общения, сообщения и воздействия, — с известным допущением следует признать, что в испанской речи превалирует именно функция воздействия [Оболенская, 2014с: 23–24]. Это подтвердил и автор известного «Учебника по грамматике испанского языка» («Manual de gramática española») Рафаэль Секо (Rafael Seco y Sánchez, 1895–1933), который, рассуждая о преимуществах лиц, в полной мере владеющих ресурсами родного языка для того, чтобы яснее и точнее выразить свою мысль, сделал вполне «испанский» вывод: «Искусство говорить — это искусство убеждать»¹³.

Философия особого восприятия мира и роли человека проявляется уже в первых испанских литературных памятниках и фольклорных текстах, где внимание уделяется прежде всего изображению действий персонажей, а не их переживаний или описаний природы, которые в художественных текстах появляются лишь в XIX в. «Acción» всегда превалирует над «estado»

¹³ Seco R. Manual de gramática española. Madrid. Aguilar. 1985. P. VIII.

в содержании речевого произведения, что создает эффект драматургичности даже поэтических и прозаических произведений. Отмечая эту особенность испанских художественных текстов, К. Фосслер в процитированной выше работе «Литературная и лингвистическая физиономия испанского языка» определяет как «acción en prosa» и «Селестину»¹⁴ Ф. Рохаса (Fernando de Rojas, ок. 1465–1541), и плутовской роман, жанр, подаренный миру Испанией и получивший особое распространение именно там [Vossler, 1946: 59–60; Оболенская, 2009: 128]. «Поэзию танцуют или поют чаще, чем декламируют или читают, предпочитая импровизировать, а не записывать. <...> Действие — это то, что должно присутствовать в поэзии, но не во французском смысле эффективности воздействия на другого, а просто действия живого, быстрого и внезапного, того, что представляет собой самоосвобождение и реакцию на внешнее давление. *Динамизм повествования во всей испанской литературе часто бесцелен* (выделено мной. — Ю.О.)» [Vossler, 1946: 52]. Эта цитата из эссе Фосслера подтверждает известное положение Ортеги-и-Гассета о том, что и сама испанская жизнь может развиваться только как динамический процесс, в отсутствие которого «нация погружается в летаргический сон» [Ortega y Gasset, 1966: 280].

Действие-движение как условие самоосвобождения от чужого давления — важнейшая черта характера и языкового сознания испанцев, отраженная в архетипах героев плутовского романа, Дон Кихота, Дон Хуана. Для сравнения приведем русские архетипы — Илью Муромца, Емелю, Обломова, героев Л.Н. Толстого, — ярко воплощающие стратегию *ожидания-самосохранения*. Динамизм испанских героев, часто лишенный определенной цели, можно сравнить с кажущейся бесплодной рефлексией русских: рефлексия способствует самосохранению, и она, по сути, противоположна действию, безрассудству, отваге и, конечно, миссионерству как активному внедрению идеи.

* * *

Испанская геополитика, осознание избранности, воинственный дух миссионерства и самого служения Богу или королю, ориентирующие испанцев на действенное воплощение идеи — вот откуда рождаются герои-рыцари, благородный Дон Кихот и готовый отдать жизнь ради любви Дон Хуан. Ну а изнанкой благородства и действенности, служения идее становятся жестокие последствия действий Дон Хуана, «подвиги» Дон Кихота и многочисленных *пикаро*.

В 1896 г., на фоне углубляющегося духовного кризиса в Испании, М. де Унамуно в своем эссе «Рыцарь печального образа» предложил культ кихотизма в качестве национальной идеи и даже религии («Евангелие от

¹⁴ «Селестина» (исп. La Celestina) — выдающееся произведение испанской литературы конца XV века, считающееся одним из первых образцов ренессансной прозы на испанском языке. — *Примеч. ред.*

Кихота»), отметив, что Дон Кихот — это самый «подлинный и глубокий символ испанской души» [Унамуну, 2020: 4]. Идея была подхвачена многими его современниками, акцентировавшими внимание как раз на кихотическом бескорыстном служении идее, а утопичность этой идеи отошла на второй план. В своей более поздней работе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» [Унамуну, 1997] Унамуну приходит, на наш взгляд, к очень точному обобщению того, что дала деятельность вымышленных испанских персонажей испанскому сознанию. Речь идет о главной составляющей испанского мышления, обозначенной Унамуну как *кихотическая философия*, воплощенной уже в творчестве Игнатия де Лойолы и у испанских поэтов-мистиков, — это кихотизм, или сражение за духовные ценности, за дух рыцарства как высшего проявления бескорыстного служения высокому. Идеальный рыцарь — именно странствующий; странствовать может и душа на пути к истине или высшим идеалам, поэтому Унамуну называет даже Св. Хуана де ла Крус (Juan de la Cruz, 1542–1591) *странствующим рыцарем чувства, обращенного к божественному* [Оболенская, 2009: 129].

Действие, движение или направленная, деятельная страсть, противоборство — черта испанской ментальности, определившая причины популярности *философии витализма* именно в Испании. В пылу полемики с многочисленными критиками Унамуну определил кредо виталистов так: «жить, чтобы жить, а не познавать жизнь». Собственно, оба эти выдающиеся испанские философы — и Унамуну, и Ортега-и-Гассет — представляли философию витализма, и, наверное, главным отличием испанского национального менталитета от большинства латиноамериканских наций, несмотря на объединяющее их языковое пространство испанского языка, можно считать этот тезис Унамуну.

Любопытно, что свой автобиографический роман Г. Гарсиа Маркес назвал парафразой кредо виталистов «Vivir para contarla» (2002 г.)¹⁵; в терминологии Хайдеггера это и означает — «сказывать», *показывать* заданный языком опыт, свое со-бытие.

Рисунок Федерико Гарсиа Лорки

¹⁵ Перевод названия романа «Жить, чтобы рассказывать о жизни» подправляет автора и лишает идеи, заложенной в оригинале, которая, на наш взгляд, удачно передана в английском переводе: «Living to Tell the Tale». — Примеч. авт.

Испанский писатель, философ, дипломат, историк и журналист Сальвадор де Мадариага в книге «Англичане, французы, испанцы», заявив, что «нация — это характер», рассматривает язык как важный знак национальной психологии, а национальный характер — как микрокосм, обусловленный территориальным окружением, ритмом и атмосферой жизни и тем, что он называет «грацией». Собственно, и вся эта работа — опыт этносоциопсихологического анализа трех наций, где автор рассматривает каждую как воплощение одной из доминирующих сторон триады: действие — мысль — страсть. Англичане в этой триаде — нация действия, прагматизма, здравого смысла, французы — нация мысли, интеллекта, познания, а испанцы — нация людей страсти, индивидуализма и гуманизма. Триады Мадариага довольно условны и схематичны, однако очень интересны его оценки испанской литературы и искусства, лингвистические обобщения и их сопоставительный характер, в результате которых автор приходит к выводу о том, что именно *страсть* дает испанцам возможность более целостного проявления личности, чем *действие* или *мысль*. «Страсть — это состояние единения с жизненным потоком, который мы пропускаем через себя». [Мадариага, 2003: 46]. Этим свободным током жизни Мадариага объясняет спонтанность испанского характера. Добавим: спонтанность проявляется не только в характере, но и в речевом поведении, непоследовательности и отсутствии самоконтроля, которое может превращать страстное следование идее миссионерства, например, в немотивированную жестокость. Далее, как и в вышеприведенной характеристике испанского словесного искусства Унамуно в статье «Колоссальный стиль», Мадариага дает описание страсти, сходное с *безудержем* Достоевского: «Страсть по самой своей природе обладает такой целостностью и абсолютностью, что с нею не сравнятся ни действие, ни интеллект. В действии, как и в мысли, человек суживается. В обеих этих сферах он присутствует не всецело, а лишь частично. И только в страсти человек абсолютно целостен». [Мадариага, 2003: 47]. Однако этот *безудерж* страсти и то, что Дмитрий Карамазов у Ф.М. Достоевского определяет как недостаток («Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»), испанский философ трактует как важную и в целом положительную характеристику испанского мировидения, отраженную в испанском языке и культуре в целом.

Представления о миссии испанского языка и необходимости защиты языка как благородного наследия предков — две составляющие национального языкового сознания испаноговорящих народов многонациональной Испании. Воспринимают ли они свой язык как совершенный? Ведь попытки улучшить испанский предпринимались на всех этапах его истории, принимаются они и сегодня, что, впрочем, относится и к любому другому

национальному литературному языку. Мигель де Унамуно метафорически определил требования консервативных пуристов и будущих критиков кастильского языка следующим образом: «Есть и такие, кто заявляет: нет, срочно требуется обкромсать наш язык, словно деревце, убрать часть ветвей, придать ему определенную и раз и навсегда установленную форму. <...> И вот таким образом, добавляют они, язык наш выиграл бы в ясности и логике» [Унамуно, 2002: 192].

Баск, всегда с гордостью называющий себя испанцем и прославляющий испанский язык в своих многочисленных книгах и стихах, и сам выявляет в испанском языке недостаточность «ясности и логики». Однако важнее следующее заключение Унамуно о миссии испанского языка, достаточно полно характеризующее испанское национальное языковое сознание: «Но разве мы собираемся писать на нем какое-нибудь “Рассуждение о методе”¹⁶? К дьяволу всякую там логику и ясность! <...> все это годится для других языков, коих назначение — воплощать логику умствующего ума; а наш язык разве не есть прежде всего и главным образом орудие страсти, оболочка донкихотовских завоевательных устремлений?» [Унамуно, 2002: 192].

Определение испанского языка как *орудия страсти*, предложенное философом и художником Унамуно, стало отражением *завоевательных устремлений* не только Дон Кихота или Дон Хуана, но и многих поколений испанских мыслителей и художников слова, да и всех тех, кто на нем думал, говорил и писал, движимый стремлением преодолеть предел, следуя девизу «Plus ultra». Как тут не вспомнить афористическое высказывание Л. Витгенштейна (Ludwig Wittgenstein, 1889–1951): «Границы моего языка означают границы моего мира». В сознании испанцев испанский мир, по-видимому, не имеет географических границ, ведь именно их язык определяет еще и границы христианского мира.

* * *

Экзистенциональное измерение философской мысли трех испанских философов — Мигеля де Унамуно, Хосе Ортеги-и-Гассета и Сальвадора де Мадариаги — уже в первой декаде XX в. позволило выявить глубинные механизмы порождения высказывания, определить доминанты национального языкового сознания и взаимообусловленность речевого поведения и национального характера. Отметим и то, что все работы, без сомнения, отражают драматический исторический контекст их создания, одновременно являясь ярким свидетельством трагического мироощущения нации страсти, которое проявилось в языке, культуре и истории страны, мироощущения, предопределившего судьбу отдельного человека и общества в целом.

¹⁶ Имеется в виду «Рассуждение о методе» (1637 г.) Рене Декарта (René Descartes, 1596–1650), манифест рационализма. — *Примеч. авт.*

Список литературы / References

- Бахтин М.М. (1986) *Эстетика словесного творчества*, Москва, Искусство, 445 с.
- Bakhtin M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art], Moscow, Iskustvo, 445 p. (In Russian)
- Выготский Л.С. (1934) *Мышление и речь: Психологические исследования*, Москва, Ленинград, Государственное социально-экономическое издательство, 324 с.
- Vygotsky L.S. (1934) *Myshlenie i rech': Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and Speech: Psychological Studies], Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 324 p. (In Russian)
- Мадариага С. де. (2003) *Англичане, французы, испанцы*, Санкт-Петербург, Наука, 244 с.
- Madariaga S. de. (2003) *Anglichane, frantsuzy, ispantsy* [Englishmen, Frenchmen, Spaniards], Saint Petersburg, Nauka, 244 p. (In Russian)
- Маслин М.А. (ред.) (1990) *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*, Москва, Наука, 528 с.
- Maslin M.A. (ed.) (1990) *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October Diaspora], Moscow, Nauka, 528 p. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2009) Стилистические доминанты испанской речи как отражение особенностей менталитета и языкового сознания испанцев, *Вопросы иберо-романистики*. Выпуск 9, Москва, МГУ, с. 125–131.
- Obolenskaya Yu.L. (2009) Stilisticheskie dominanty ispanskoi rechi kak otrazhenie osobennostei mentaliteta i yazykovogo soznaniya ispantsev [Stylistic dominants of Spanish speech as a reflection of the peculiarities of the mentality and linguistic consciousness of Spaniards], *Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 9* [Problems of Ibero-Romanticism. Issue 9], Moscow, MGU, pp. 125–131. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2014а) Цыгане в Испании — лингвистическая и культурная экспансия, *Stephanos*, № 5(7), с. 10–25.
- Obolenskaya Yu.L. (2014a) Tsygane v Ispanii — lingvisticheskaya i kul'turnaya ekspansiya [Gypsies in Spain — linguistic and cultural expansion], *Stephanos*, no. 5(7), pp. 10–25. (In Russian)
- Оболенская Ю.Л. (2014b) Единое языковое пространство испанского языка и проблемы национально-культурной идентичности в эпоху глобализации, *Язык как экономический и политический фактор международных отношений: Международный симпозиум. Сборник докладов*, Москва, 26–27 мая 2014 года, под ред. Т.А. Медведевой, Т.И. Пигарёвой, В.М. Тайар, Москва, ИЛА РАН, с. 135–146.
- Obolenskaya Yu.L. (2014b) Edinoe yazykovoe prostranstvo ispanskogo yazyka i problemy natsional'no-kul'turnoi identichnosti v epokhu globalizatsii [The unified linguistic space of the Spanish language and the problems of national and cultural identity in the era of globalization], in T.A. Medvedeva, T.I. Pigareva, V.M. Taiar *Yazyk kak ekonomicheskii i politicheskii faktor mezhdunarodnykh otnoshenii: Mezhdunarodnyi simpozium. Sbornik dokladov*, Moskva, 26–27 maya 2014 goda [Language as an economic and political factor in international relations: An international Symposium. Collection of papers, Moscow, May 26–27, 2014], Moscow, ILA RAN, pp. 135–146. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2014с) Стилистика испанской речи и особенности иберийской модели речевого поведения, *И Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Москва, 23–24 апреля 2014 г.*, Москва, РУДН, с. 12–28.

Obolenskaya Yu.L. (2014с) Stilistika ispanskoi rechi i osobennosti iberiiskoi modeli rechevogo povedeniya [The stylistics of Spanish speech and the peculiarities of the Iberian model of speech behavior], *I Firsovskie chteniya. Sovremennye problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 23–24 aprelya 2014 g.* [I Firsov readings. Modern problems of intercultural communication: materials of papers and reports of the international scientific and practical conference. Moscow, April 23–24, 2014], Moscow, RUDN, pp. 12–28. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2018) *Мир испанского языка и культуры*, Москва, URSS, 256 с.

Obolenskaya Yu.L. (2018) *Mir ispanskogo yazyka i kul'tury* [The world of Spanish language and culture], Moscow, URSS, 256 p. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2019) Испанское языковое сознание как лингвокультурный феномен, *Вопросы иберо-романистики. Выпуск 17*, Москва, МАКС Пресс, с. 65–76.

Obolenskaja Yu.L. (2019) Ispanskoe jazykovoe soznanie kak lingvokul'turnyj fenomen [Spanish linguistic consciousness as a linguistic and cultural phenomenon], *Voprosy ibero-romanistiki. Vypusk 17* [Problems of Ibero-Romanticism. Issue 17], Moscow, MAKSS Press, pp. 65–76. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2024) Языковая политика в Испании vs региональная политическая лингвистика, *Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии: Электронный сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Москва, 14–15 мая 2024 года*, под ред. Н.Ф. Михеевой, Москва, Центр СНИ и ОТ, с. 19–33.

Obolenskaya Yu.L. (2024) Yazykovaya politika v Ispanii vs regional'naya politicheskaya lingvistika [Language Policy in Spain vs Regional Political Linguistics], in N.F. Mikheeva (ed.) *Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoi romanskoi i germanskoi filologii: Elektronnyi sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 14–15 maya 2024 goda* [Main trends and prospects for the development of modern Romance and Germanic Philology: Electronic collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 14–15, 2024], Moscow, Tsentr SNI i OT, pp. 19–33. (In Russian)

Ортега-и-Гассет Х. (1994) *Этюды об Испании*, Киев, Новый круг, 320 с.

Ortega y Gasset J. (1994) *Etyudy ob Ispanii* [Sketches about Spain], Kiev, Novyi krug, 320 p. (In Russian)

Унамуно М. де. (1997) *О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства*, Киев, Символ, 416 с.

Unamuno M. de. (1997) *O tragicheskom chuvstve zhizni u lyudei i narodov. Agoniya khristianstva* [The Tragic Sense of Life. The Agony of Christianity], Kiev, Simvol, 416 p. (In Russian)

Унамуно М. де. (2002) *Житие Дон Кихота и Санчо*, Санкт-Петербург, Наука, 394 с.

Unamuno M. de. (2002) *Zhitie Don Kikhota i Sancho* [Our Lord Don Quixote], Saint Petersburg, Nauka, 394 p. (In Russian)

Хайдеггер М. (1993) *Время и бытие: Статьи и выступления*, Москва, Республика, 447 с.

Heidegger M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and speeches], Moscow, Respublika, 447 p. (In Russian)

Эко У. (1998) *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*, Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 432 с.

Eco U. (1998) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing Structure. An Introduction to Semiology], Saint Petersburg, ТОО ТК «Petropolis», 432 p. (In Russian)

Menéndez Pidal R. (1982) *Los españoles en la historia* [The Spaniards in Their History], Madrid, Espasa-Calpe, 241 p. (In Spanish)

Ortega y Gasset J. (1963) *Obras completas. Tomo II: El espectador (1916–1934)* [Complete works. Volume II: The Spectator (1916–1934)], Madrid, Talleres Gráficos de «Ediciones Castilla, S.A.», 754 p. (In Spanish)

Ortega y Gasset J. (1964) *Obras completas. Tomo V (1933–1941)* [Complete works. Volume V (1933–1941)], Madrid, Talleres Gráficos de «Ediciones Castilla, S.A.», 632 p. (In Spanish)

Ortega y Gasset J. (1966) *Obras completas. Tomo I (1902–1916)* [Complete works. Volume I (1902–1916)], Madrid, Talleres Gráficos de «Ediciones Castilla, S.A.», 580 p. (In Spanish)

Unamuno M. de. (1998) *Alrededor de estilo* [Around the style], Salamanca, Universidad de Salamanca, 194 p. (In Spanish)

Unamuno M. de. (2020) *El caballero de la triste figura* [Knight of the Rueful Countenance], Warszawa, Fundacja POSET, 50 p. (In Spanish)

Vossler C. (1946) *Algunos caracteres de la cultura española* [Some characters of the Spanish culture], Buenos Aires, Espasa-Calpe Argentina, 168 p. (In Spanish)